

УДАЧНАЯ ЖИЗНЬ

Где рай на земле, похоже, знает Владимир Ульянов-Ленин, который гордо стоит на маленькой круглой площадке возле станции Внуково. Металлический вождь с облупившейся серебристой краской решительно указывает в сторону дачного кооператива "Московский писатель". И, поверив ему, как некогда — обвинявшие массы, мы берем курс именно туда. Дорога привела к зеленым воротам, на дачу народной артистки Ольги Аросевой. Хотя тут вождь не соврал. Может быть, в благодарность к ее человеческому и актерскому таланту. Но об этом курьезе я узнаю только на обратном пути в Москву...

Вошли и обнаружили еще одно доказательство принадлежности хозяйки к славному эпикурейскому племени. Здесь с кайфом можно принять русскую баньку по-черному, а можно финскую — по-белому. После чего прямая дорога в так называемый гульбарий. Так Аросева называет довольно большую комнату с низким потолком, камином и широким столом, за которым собирается после омовения вся чистая сила окрестных домов. Можно и в бассейне 5х8 нырнуть.

— Банька — радость души моей. Обожаю! На крыльцо как оглашенный влетел Пята и со всего размаху прыгнул на хозяйку. Вообще-то Ольга Александровна не собиралась заводить живность. Пята, по паспорту Патрик, — счастливый случай. Когда-то на соседнем участке жил его дядя, который любил прибегать к актрисе в гости. А потом он съехал вместе со своими хозяевами, и ей как-то стало грустно. Не привыкшая унывать, пани Моника пошла к заводчице леонбергеров, и там произошла историческая встреча, описанная у Дома-отца в "Графе Монте-Кристо" фразой: "Папочка, я ждал этой встречи 25 лет". А разница была в том, что безымянному щенку было от роду 5 недель, и перед ним стояла народная актриса, к которой он и приник как к родной. Ну какое сердце могло устоять?.. Теперь Пята, возбужденный приездом гостей, скачет рядом, без разбору прыгая на всех от радости всей своей тяжестью.

С любимчиком Патей.

можно понять: возраст, кожа портится от грима...

— Кожа от грима не портится, если хороший грим покупать. Ведь накладывание грима — это как массаж лица!

— Но ведь в советское время ленинградский грим был единственным доступным для артистов. И вы наверняка им пользовались.

— В советские времена, я тебе скажу, сама варила гримы. Брала наш тон и варила его с оливковым маслом или свиным нутряным жиром, чтобы все это было мягкое, приятное для кожи. Для приятного запаха добавляла духи. А потом, когда пошел водяной киношный тон, стала пользоваться им. Я категорически против пластических операций. Потому что в каждом возрасте есть своя красота. Люди же знают, сколько тебе лет, если они следят за твоей работой. Пусть лучше говорят: "Как вы хорошо выглядите для своего возраста!" — чем: "Что-то она привирает". Главное — чтобы была работа, чтобы ты в любом возрасте мог работать, пока есть силы...

Как Аросева обдула вождя

Самое удивительное: за три часа нашего пребывания на аросевских просторах старая, закоренелая курильщица не взяла ни одной сигареты. С 11 марта она — в завязке.

— Неужели не тянет?

— Представь — нет. Организм так испугался, что я без мучений бросила. Я помню, что, когда на спектакле "Андрюша" мне стало так плохо, а дирижер Кремер в глазах раздвоился, и все поплыло, я подумала: вот если сейчас умру, то рецензент вроде тебя напишет: "Какие беззастенчивые режиссеры Ширвиндта — заставляют актрису изображать смерть на сцене, говоря о Миронове, который действительно умер". Я подумала тогда: или действительно надо умереть сейчас, или уехать со сцены вместе с кругом. В общем, как-то додержалась. Потом врач, очень милый человек, который ко мне приехал, спросил: "Курите много?" — "Да, очень много". — "А выпивать любите?" — "Очень люблю, доктор". А он говорит: "А вы знаете, что одна сигарета по вреду своему равна стакану водки? Представьте, если вы не будете курить, сколько вы можете выпить?" — "20 стаканов". — "Ну, надо от чего-то отказываться — выберите для себя...". Ну, пошли обедать!

Обедали в доме. Зоя, помогающая Аросевой по хозяйству, подала вкуснейшие зеленые щи, картошку с мясом. Хозяйка достала виски, привезенные ей в подарок из Израиля.

Провожал нас Пята. Он с трудом просунул свою здоровую морду в щель между воротами и с тоской глядел, как наша редакционная машина увозит его любимую хозяйку в Москву: она поехала хлопотать насчет каких-то документов для поездки в Сирию. Проехали мимо памятника Ленину.

— Ольга Александровна, так что это за история с памятником Ленину?

— Было его столетие, и нам на собрании сказали: "Хорошо бы в нашем поселке памятник вождю поставить! Дайте кто сколько сможет". Ну, кто трешку дал, кто пятерку. А я дала сто рублей. Поэтому я точно знаю, что на мои деньги ему купили ботинки.

Вот так артистка Ольга Аросева обдула вождю мирового пролетариата. Может быть, поэтому он так решительно теперь ручкой указывает дорогу к лучшему месту в писательском поселке. Жаль только, сказать не может: "К Монике, товарищи! Там — шашлыки. Промедление смерти подобно!"

Марина РАЙКИНА.
Фото Геннадия ГРАЧЕВА.

У Орловой были грязные руки

Нас встретил Патрик — пятимесячный щенок леонбергера: рыжий, неуклюжий и, как всякий малолеток, доверчивый. Обнюхал, облизал нежданных гостей и на длинных лапах, которыми плохо еще владеет, помчался к дому.

— А когда рейс на Париж? Значит, сначала Лондон?.. — донесся голос хозяйки Патрика и дачи, расписывающей по телефону кому-то свои небесные маршруты. — Это я через несколько дней на теплоходе работать и отдыхать буду, — поясняет она. (На ней — широкие джинсы и майка такого же цвета с двумя сердцами на груди. Босиком.) — Да вы проходите! Чайку, кофеику?..

На столе тут же появились чайник, оладьи и банка черной икры.

— А икра тоже на участке растет?

— Конечно, растет. Но это не значит, что всю банку вы должны съесть.

Под смех и оладьи мы услышали краткую историю писательского поселка, где еще давненько завелось актерское гнездо. Его основатели — Ильинский, Утесов, Образцов, режиссер Александров с артисткой Орловой.

— У нее замечательный дом был — в мексиканском духе, — говорит Ольга Аросева. — Любовь Петровна все своими руками делала — например, мебель обтягивала. Пришла к ней я как-то, а у нее стулья красного дерева французским ситцем отделаны — красота невероятная! Хорошая была женщина. Сидим как-то на собрании нашего кооператива. "Что смотришь на мои руки?" — спрашивает меня. — Грязные? Это я цветную капусту сажала. Здесь недалеко рассада хорошая. Хочешь? Поедем вместе". И мы поехали.

— А кто сейчас из актерской братии на писательской территории проживает?

— Да много нас. Мои соседи — Лиечка Ахеджакова с Аллой Будницкой. Драматург Сережа Каковкин, он же режиссер. На другой стороне Лановой с Абдуловым живут. 24 июля у меня были именины, мы собирались...

Как призналась Ольга Александровна, сама она оказалась в этих краях благодаря мужу — певцу Аркадию Погодину. Из сторожки, доставшейся ей после смерти супруга, актриса сделала замечательный дом, который видел на своем веку один пожар и множество прекрасных и знаменитых людей, слетающихся на запах шашлыка, который она обожает задевать для друзей.

Завешание Пельтцер

Пошли смотреть дом. Он двухэтажный: первый этаж — кирпичный, второй — деревянный. Очень уютный и уже с порога обдает хорошей энергетикой. Кухонька, три комнаты внизу, три наверху. В спальне, обшитой сине-белыми обоями юд шелк, наблюдался небольшой творческий беспорядок, божественность которого подчеркивал туалетный столик с театральными аксессуарами. Как выяснилось, здесь побывали до нас телевизионщики из "Квартирного вопроса", и его специалисты обустроили актерское жилье-бытие. Так, на столике небрежно лежат перчатки в сеточку, бинокль, что-то еще элегантно. А в комнате рядом, под лестницей, Аросевой соорудили бар.

— Можно присесть. Пропустить рюмочку. Правда, красиво? Отделали все старыми гвоздями, бочку маленькую где-то нашли, вмонтировали в стенку...

— А этот шкаф, кресла — тоже от дизайнеров?

— Нет. Шкаф — с помойки, а кресла — из пионерского лагеря: ими собирались клуб отапливать.

Такого надругательства над старинной мебелью из бывшей помещицкой усадьбы Ольга Александровна перенести не могла — забрала разваливающиеся кресла, отреставрировала, обтянула красным бархатом, и они теперь тяжеломерно стоят у камина.

— А это что? Кажется, ломберный столик?..

— Точно. — Она отодвигает от окна небольшой столик, раскрывает его, и красное сукно столешницы так и напрашивается расписать пулюк. Эта вещь досталась Аросевой по завещанию от Татьяны Пельтцер — знаменитой комедиантой актрисы Театра Сатиры, а затем "Ленкома". За ним-то, этим самым столиком, на квартире у Пельтцер, как три сестры, собирались Аросева, Токарская и хозяйка. Но насчет "в Москву, в Москву, работать, работать" они не помышляли, а играли в преферанс и поевали пирожки, приготовленные по этому случаю помощницей Татьяны Ивановны.

— Другой столик она завешала Саше Абдулову, — говорит Аросева, и мы поднимаемся на вто-

Душевная парилка с Лией Ахеджаковой и Аллой Будницкой.

АРОСЕВА
ТОПИТ
БАНЬКУ
ПО-ЧЕРНОМУ

рой этаж, откуда открывается потрясающий вид — березы, ели, дубы, между которыми затерялись несколько грядок, банька с небольшим бассейном, сарайчик у забора...

— Сколько ж у вас соток?

— Соток семь.

— Ну прямо как у генералов!

— Генералов много. А я — одна, — смеется Аросева. — Здесь потрясающий лес: даже при твоём незнании ботаники можно понять, что тут растут клены, дубы, да все деревья...

Завешение в баньке проходит успешно

— А грибы здесь водятся?

— Конечно, водятся. Чернушки. Я их очень люблю — они такие крепенькие, их можно солить, и очень хорошо идут под водочку.

Это были слова стопроцентного эпикурейца, ведущего на своем дачном участке исключительно растительную жизнь.

— Я веду растительную жизнь. И очень это люблю, нахожу радость в растительном существовании. Вот почему я люблю дачу? Я здесь не устаю. Дома, если постираешь, сил нет как будто, а здесь ничего не замечаешь.

— А босиком, Ольга Александровна, вы все время ходите?

— Вообще-то люблю. Заземляться надо же когда-то...

И повела нас заземляться в, может быть, самый свой любимый уголок — баню. Правда, по дороге показала предмет особой гордости садовода-огородника — маленькую грушу под названием "Пани Моника".

— Представляешь, в прошлом году идет по улице человек с деревом и мешком. Стучится и говорит, что он из Витебска и специально для меня вывел этот сорт груши. Вообще-то она прижилась, только, видишь, какая-то зараза листочки поела. Человек за свою жизнь должен, как говорится, построить дом, посадить дерево... Я построила два дома, посадила деревья. Видишь эти яблони? У меня есть свидетель — Шура Ширвиндт, — что я их собственноручно посадила. Мы еще тогда с ним на ВДНХ за саженцами ездили...

Хотя про грядкам не скажешь, что Аросева — знатный мичуринец. Пара грядок с огурцами, еще чем-то, скр.мное подобие парника тутятся ближе к забору. Чегс не скажешь о бане, которая монументально расположена по центру большого участка.

Хорошего должно быть ну очень много

— А это угодые Пати, — тоном экскурсовода общается Ольга Александровна. — У него есть веранда, вольер, а рядом с банькой — как будто бы бассейн. Вот тут композитор Кифилиди приезжал. Как увидел, спрашивает: "А можно я у вас Патей буду?..."

Переходим к следующему объекту действия — самому важному. Кафе "Ах у дуба. Ах у ели". Так называется чудный уголок, который из себя представляет широкий деревянный стол под кронами деревьев, а рядом — полукруг металлического стола, куда ставятся напитки, дымящийся шашлык, красные пузатые помидоры, сочная яркая зелень... Ух, красота!

— Мне нравится сочинять такие уголки. Я же обожаю застолья, когда сидит много народу, пахнет жареным мясом, а из-за забора кричат соседи: "У тебя что, шашлыки?..." Унохают — идут сюда. Много вина, много мяса, много слов, много жизни...

— Вы действительно эпикурецы!

— Да, я люблю радость жизни. Что делать? Мне кажется, это то, что дал нам Бог. Надо стараться каждый день какой-нибудь праздник делать. Вот ты приехала — у меня праздник.

Хорошо в бассейне, особенно после баньки.

Эпикуреец, прошу заметить, не тот, кто ведет только красивую дачно-растительную жизнь и пользуется благами жизни. А тот, кто, вкалывая, умеет эти самые блага добывать. При этом не грузит других своими проблемами, а легкостью бытия облегчает жизнь окружающих. Во всяком случае, этот райский уголок пани Моника построила без посторонней помощи и не ожидая милости от природы.

Под кронами, под елями снисходит философия. Мы говорим — ну... Ну, о чем еще можно говорить с театральным человеком? Конечно же, о театре, об актерском деле. Актриса Аросева, которая одна из немногих не скрывает своего возраста, а объявляет его со сцены многотысячной публике, например, категорически против пластических операций.

— Ольга Александровна, но ведь актрис